

УДК 34

DOI 10.36511/2078-5356-2019-4-271-274

Магнатов Юрий Сергеевич
Yuriy S. Magnutov

председатель

Борский городской суд Нижегородской области (606440, Нижегородская область, Бор, ул. Профсоюзная, 3)

chairman

Borsky City Court of the Nizhny Novgorod Region (3 Union st., Nizhny Novgorod Region, Bor, Russian Federation, 606440)

E-mail: magnutov_u_s@mail.ru

Место уголовного права в области противодействия организованным формам экстремистской деятельности: вопросы теории и практики

The place of criminal law in the fight against organized forms of extremist activity: theory and practice

В данной научной публикации предпринята попытка определения места уголовного права в области противодействия организованным формам экстремистской деятельности. Представленные аргументы, основанные на достижениях доктрины, а также законотворческой, правоприменительной и интерпретационной деятельности, свидетельствуют о позитивном эволюционировании уголовного законодательства в рассматриваемой области юридической техники. В развитии курса уголовной политики в борьбе с экстремизмом продемонстрирована связь уголовного законодательства с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» и Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Выделены этапы противодействия организованным формам экстремистской деятельности с указанием их отличительных черт. Аргументирована позиция о том, что уголовное право в борьбе с экстремизмом занимает одно из лидирующих мест.

Ключевые слова: экстремизм, борьба, противодействие, место, уголовное право, государство, организованная преступность.

This scientific publication attempts to determine the place of criminal law in the field of countering organized forms of extremist activity. The arguments presented, based on the achievements of the doctrine, as well as legislative, law enforcement and interpretative activities, indicate the positive evolution of criminal law in the field of legal technology under consideration. In the development of the criminal policy course in the fight against extremism, the connection of criminal legislation with the Federal Law "On Countering Extremist Activities" and the Strategy for Combating Extremism in the Russian Federation until 2025 has been demonstrated. Stages of counteraction to organized forms of extremist activity with their distinctive features are highlighted. The position is argued that criminal law occupies one of the leading places in countering various forms of extremist activity.

Keywords: extremism, struggle, counteraction, place, criminal law, state, organized crime.

Место уголовного права в области противодействия преступлениям, совершаемым в том числе и в различных организованных формах, весьма значимо. Обусловлено это следующим.

Во-первых, современное уголовное право в совокупности с имеющимся законодательством

выступает в качестве одного из главных инструментов сдерживания девиантно-криминального поведения.

Во-вторых, юридические новеллы в борьбе с организованной преступностью, обоснованные в том числе и в науке уголовного права, демонстрируют тренд уголовной политики.

© Магнатов Ю.С., 2019

В-третьих, рост экстремистских настроений, сопряженных с тактическим, наступательным увеличением одноименных деяний, требует активизации уже существующих юридико-технических механизмов, а также разработки, апробации новых инструментов для снижения криминальной активности радикально настроенных и подогреваемых извне экстремистских организаций, действующих на территории России.

Вышеизложенные аргументы, конечно, не являются исчерпывающими, но дают основание для обращения внимания на развитие уголовного права в области борьбы с организованными формами экстремизма с учетом достижений доктрины, а также законотворческой, правоприменительной и интерпретационной деятельности.

Полагаем, что начать необходимо с рассмотрения трех сверхважных юридических предписаний. Первое закреплено в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1]. Документ, являющийся правовой основой в исследуемой нами области, дает развернутые характеристики изучаемого явления, при этом акцентируя особое внимание и на его возможных организационных формах, что в том числе прямо вытекает из самого названия этого юридического акта. То есть сам законодатель, разрабатывая и предлагая для реализации организационно-правовые основы противодействия экстремизму, раскрывая такие понятия, как «экстремистская организация», «символика экстремистской организации», а также декларируя в статье 3 «Выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц» указанного Федерального закона основные направления противодействия экстремистской деятельности, указывает на повышенный уровень общественной опасности одноименных деяний, совершаемых в соучастии.

Второе отражено в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, концентрирующей внимание на формировании в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей [2].

Третье определяет поступательное усиление уровня превентивного воздействия на распространение экстремизма путем совершенствования уголовно-правовых институтов.

С нашей точки зрения, именно эти положения стали основой эволюционирования уголовной политики и уголовного законодательства в рассматриваемом сегменте.

Начало такой модернизации было продиктовано принятием Федерального закона от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”» [3]. Впервые в российском уголовном законодательстве в статьях 282¹ и 282² УК РФ были криминализованы «Организация экстремистского сообщества» и «Организация деятельности экстремистской организации». Реализованные новеллы, по аналогии с конструкцией статьи 209 УК РФ «Бандитизм», сделали уголовно наказуемыми не только факт участия в этих криминально-организованных формах, но и их создание, а также руководство. Новеллой также стал прием, устанавливающий исчерпывающий перечень преступлений, относимых к экстремистским (ст. 148, 149, 213, 214, 243, 244, 280, 282 УК РФ). Не исключая дискуссионность этого подхода, считаем, что в нем присутствует очень важное методологическое зерно, позволяющее четко определить круг общественных отношений, благ и ценностей, непосредственно страдающих при совершении деяний экстремистского толка. На рассматриваемом этапе развития уголовного законодательства к таковым, исходя из места расположения статей, указанных в диспозиции статьи 282¹ УК РФ, относились: конституционные права и свободы, общественная безопасность, общественная нравственность, конституционный строй и безопасность государства. То есть фактически мы видим лишь 4 группы общественных отношений, расположенных в трех основных разделах Уголовного кодекса РФ. Это дает основание предположить, что, хотя основная масса экстремистско-криминальных форм девиантного поведения и сосредоточена в главе 29 УК РФ, закрепляя при этом особый терминологический и системный инструментарий, вместе с тем, наблюдается осознанность опасности этого явления и для других наиболее значимых объектов, находящихся под уголовно-правовой охраной.

Следующий этап противодействия организованным формам экстремистской деятельности можно связать с модернизацией подхода к понятию таких преступлений. В частности, Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» радикально изменил ранее заложенную концепцию, представив легитимное основание для

признания всех умышленных преступлений экстремистскими при их совершении на основе одноименной мотивации. В пояснительной записке к данному документам были обозначены причины для использования такого приема. К основным из них были отнесены несовершенство правовой базы в борьбе с экстремизмом и повышенный уровень общественной опасности объединений экстремистской направленности [4].

Представленный подход, по мнению многих ученых, стал еще более дискуссионным, чем уже ранее заложенный [5, с. 101—106]. Фактически он размывал границы экстремизма по всему Уголовному кодексу РФ, тем самым уходя от выделения его концептуальных черт, в первую очередь лежащих в области определения именно тех общественных отношений, которые и должны демонстрировать сущность современной экстремистской деятельности, в том числе ее организованных форм. Вместе с тем, понимая отмеченную нами проблему, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» в первом же пункте отметил, что мотив совершения преступлений, предусмотренных в статьях 131 и 132 УК РФ, для их квалификации значения не имеет, особо выделяя при этом такие его разновидности, как удовлетворение половой потребности, месть, национальная или религиозная ненависть, желание унижить потерпевшее лицо и т. п.

Не ставя под сомнение то, что этот посыл предопределен юридико-техническим конструированием отмеченных уголовно-правовых норм, не охватывающих особые виды мотивационного поведения, отметим, однако, что предложенный подход требует уточнения по следующим вопросам. В частности, не учитывая мотив национальной или религиозной ненависти при правовой оценке содеянного, возможно ли отнесение изнасилования, совершенного на основе этого побуждающего фактора, к экстремистскому деянию? Например, по мнению представителей высшей судебной инстанции, комментирующих постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», любое деяние, если судом будет признано в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение его по экстремистским мотивам, следует считать преступлением экстремистской направленности [6]. То есть фактически наложенное законодателем

обязательство в учете экстремистского мотива как отягчающего вину признака, в том числе и в рамках главы 18 УК РФ, должно учитываться как отягчающее, но при этом не влиять на квалификацию. Такой прием должен реализовываться и при оценке иных деяний, не содержащих признака, отраженного в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ, но мотивом совершения которых явилась политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть, или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы.

В поддержку данного аргумента можно привести позицию законодателя, отраженную в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. В частности, пункт 2 части 1 статьи 73 УПК РФ к обязательным обстоятельствам, подлежащим доказыванию, относит мотив совершения преступления. Полагаем, что этот перечень изложен в соответствующей иерархии. Выводя мотив на второе место, можно констатировать, что его сверхважное значение определено и в уголовно-процессуальном праве.

Следующим этапом противодействия организованным формам экстремистской деятельности стало дробление признаков приготовления к криминально-экстремистской деятельности путем самостоятельной криминализации склонения, вербовки или иного вовлечения лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации в рамках части 1¹ статьи 282¹ УК РФ и части 1¹ статьи 282² УК РФ. Полагаем, что такой юридико-технический прием позволяет не только более четко разграничить действия главных организаторов и пособников организованных форм экстремистской деятельности, но и дифференцированно подойти к определению характера и степени общественной опасности такой противоправной деятельности в целях построения более четкой системы уголовно-правового противодействия.

Подводя итог кратко проведенному исследованию, подчеркнем, что уголовное право в противодействии различным формам экстремистской деятельности, в том числе и организованным, занимает одно из лидирующих мест. Это подтверждается современным курсом российской уголовной политики в отмеченной области, характеризующимся следующими отличительными чертами:

— во-первых, осознанностью сверхвысокой опасности организованных форм экстремистской деятельности для конституционного строя и безопасности государства;

— во-вторых, наступательной криминализацией и усилением уровня ответственности за деяния экстремистской направленности, совершаемые в соучастии;

— в-третьих, видится и дальнейшая модернизация уголовного законодательства в области противодействия экстремизму в формах уточнения признаков одноименных деяний и возможной криминализации новых преступлений, основанных на политической, идеологической, расовой, религиозной ненависти или вражде.

Примечания

1. Российская газета. 2002. 30 июля.

2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.12.2019).

3. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму (по вопросам совершенствования законодательства в части уголовной и административной ответственности за экстремистскую деятельность) вместе с пояснительной запиской к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: законопроект № 400063-4. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=400063-4](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=400063-4) (дата обращения: 02.12.2019).

5. Востриков П.П., Петрянин А.В. Концептуальные особенности государственной политики противодей-

ствия экстремизму: теоретико-правовые аспекты // Власть. 2014. № 3. С. 101—106.

6. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Н.И. Бирюков, О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов и др.; под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2014.

References

1. *Rossiyskaya gazeta*, 2002, July 30. (In Russ.)

2. Strategy of counteraction to extremism in the Russian Federation till 2025 (UTV. President of the Russian Federation 28.11.2014 no. PR-2753). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 02.12.2019). (In Russ.)

3. About modification and additions in legislative acts of the Russian Federation in connection with adoption of the Federal law "About counteraction of extremist activity": the federal law of July 25, 2002., no. 112-FZ. *Rossiyskaya gazeta*, 2002, July 30. (In Russ.)

4. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the improvement of public administration in the field of countering extremism (on improving legislation in terms of criminal and administrative responsibility for extremist activities) explanatory note to the draft federal law "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation": draft law no. 400063-4. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=400063-4](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=400063-4) (accessed 02.12.2019). (In Russ.)

5. Vostrikov P.P., Petryanin A.V. Conceptual features of the state policy of countering extremism: theoretical and legal aspects. *Power*, 2014, no. 3, pp. 101—106. (In Russ.)

6. Biryukov N.I., Vedernikova O.N., Vorozhtsov S.A., etc. Comment to the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases / ed. by V.M. Lebedev. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: NORMA Publ., 2014. (In Russ.)